

Василий Сухомлинский

Бабушка и Петрик

В теплый весенний день бабушка взяла внука с собой в лес. Собираясь в дорогу, она дала Петрику корзинку с едой и фляжку с водой. Петрик был ленивым мальчиком, и вскоре ноша показалась ему тяжелой.

Тогда бабушка понесла корзинку с едой сама.

В лесу они сели под куст передохнуть. Вскоре к соседнему дереву прилетела маленькая птичка. В клюве она несла волосинку.

Петрик тихонько, чтобы не вспугнуть птичку, поднялся и увидел на дереве большое волосяное гнездо.

А птичка быстро улетела и вскоре возвратилась к гнезду с волосинкой в клюве. Петрик широко раскрыл глаза от удивления.

– Бабушка, – прошептал он, – неужели она каждый раз приносила по волосинке и построила такое большое гнездо?

– Да, по волосинке, – ответила бабушка. – Это трудолюбивая птичка. Петрик задумался. Через минуту он сказал:

– Бабушка, можно я сам понесу корзинку с едой? И пальто ваше понесу. Можно?

Василий Сухомлинский

Каждый человек должен

Мама с маленьким Петриком сели в поезд. Они едут в далекий южный город, на берег теплого моря – отдыхать. Мама стелет на полке постель для себя и на отдельной полке – для Петрика. Мальчик ужинает: ест вкусную булку, куриную ножку и яблоко. Мягко покачиваясь, убаюкивают вагоны. Лег Петрик на мягкую постель и спрашивает:

– Мама, вы говорили, что поезд ведет машинист. А кто же ночью ведет поезд? Неужели он идет сам?

– Ночью тоже ведет поезд машинист.

– Как? – удивляется Петрик. – Неужели он ночью не спит?

– Не спит, сынок.

– Мы спим, а он не спит? Целую ночь? – еще больше удивляется Петрик.

– Да, машинист не спит целую ночь. Если бы он хоть на минуту уснул, поезд разбился бы и мы погибли бы.

– Но как же это так? – не может понять Петрик. – Ведь спать-то ему хочется?

– Хочется, но он должен вести поезд. Каждый человек – должен. Посмотри в окно, видишь: вон в поле пашет землю тракторист. Ночь, а человек работает, видишь, как прожектором освещает поле? Потому что он должен работать ночью.

– И я должен? – спрашивает Петрик.

– И ты должен.

– Что же я должен?

– Быть человеком, – ответила мама. – Это самое главное. Трудиться. Уважать и почитать старших. Презирать лень и нерадивость. Любить свою родную землю.

Петрик долго не мог уснуть.

Василий Сухомлинский

Правильно думай о труде

Пятиклассники посадили много кустов рябины. Когда-нибудь целая роща вырастет. А пока что нужно поливать кусты, ухаживать за ними.

Разделили кусты между учениками. Каждому досталось по четыре деревца.

Марийка и Оля сидят за одной партой. И кусты рябины их рядом.

Договариваются девочки и приходят вместе поливать деревья.

Первую рябину Марийке поливать очень легко, вторую – немного труднее, третью – трудно, а на четвертую уже совсем мало остается сил.

Но вот заболела Оля, и пионервожатая попросила Марийку:

– Поливай и Олины деревца. Она же твоя подруга.

Марийка тяжело вздохнула, взяла ведро и пошла к рябиновой роще. Она все думала: теперь ей поливать восемь деревьев. Восемь поливалок воды надо нести от колодца.

Девочка взялась за работу. Полила одно дерево, второе, третье. И вот что странно: работа казалась ей легкой. Уже на шестом деревце стало труднее. Седьмое деревце поливать было совсем трудно, а на восьмое едва хватило сил.

«Вот оно что, – думала Марийка, окончив работу. – Теперь я знаю, как облегчить работу. Надо думать: мне поливать двенадцать деревьев. Тогда восемь поливать будет совсем легко».

Так она и сделала на следующий день. Собираясь на работу, она все время думала: мне надо полить двенадцать деревьев. Вытащить из колодца и отнести в рябиновую рощу двенадцать ведер воды.

Поливая, она все время думала только об одном: мне сегодня надо полить двенадцать деревьев.

Полила восемь – и не ощутила усталости. «Самое трудное – приучить себе правильно думать о труде», – вспомнила Марийка слова учителя.

Алексей Мусатов

Как хлеб на стол пришел

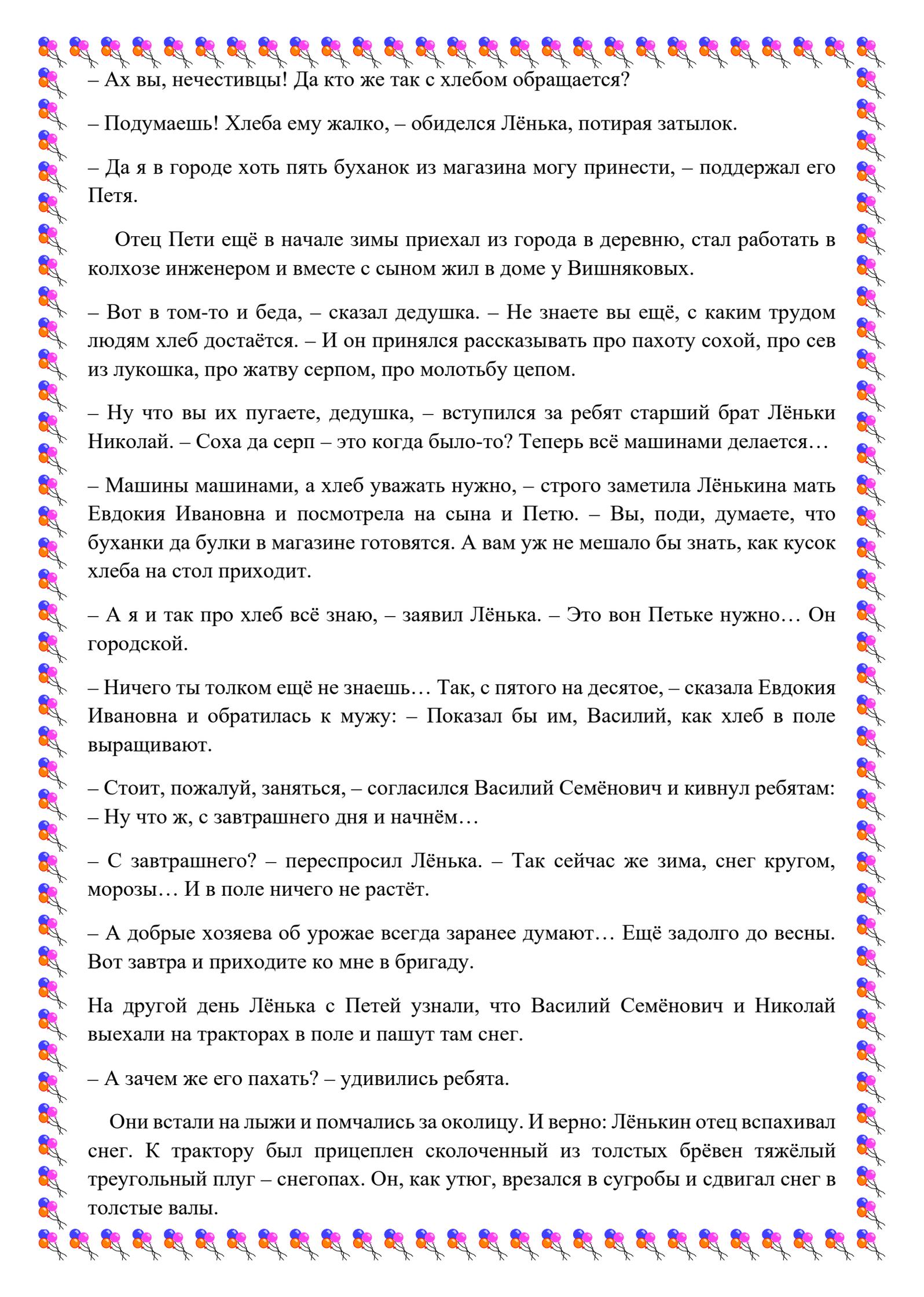
Хлеб был мягкий, пахучий, податливый, и Лёнька Вишняков вылепил из него петуха. Тот получился на славу: гордо вытянутая шея, толстый гребешок, хвост трубой, лапы со шпорами.

Не отстал от Лёньки его двоюродный брат Петя и тоже вылепил петуха. Пока взрослые за столом были заняты своими разговорами, Лёнька и Петя затеяли петушиный бой.

Он был непродолжительным. Хлебные клювы вскоре прогнулись, крылья и хвосты отвалились, шпоры притупились.

Тогда ребята превратили своих хлебных петухов в шарики и принялись шмякать ими об пол. Это было забавно.

И вдруг ребята получили от дедушки Семёна по крепкому подзатыльнику.

– Ах вы, нечестивцы! Да кто же так с хлебом обращается?

– Подумаешь! Хлеба ему жалко, – обиделся Лёнька, потирая затылок.

– Да я в городе хоть пять буханок из магазина могу принести, – поддержал его Петя.

Отец Пети ещё в начале зимы приехал из города в деревню, стал работать в колхозе инженером и вместе с сыном жил в доме у Вишняковых.

– Вот в том-то и беда, – сказал дедушка. – Не знаете вы ещё, с каким трудом людям хлеб достаётся. – И он принялся рассказывать про пахоту сохой, про сев из лукошка, про жатву серпом, про молотьбу цепом.

– Ну что вы их пугаете, дедушка, – вступился за ребят старший брат Лёньки Николай. – Соха да серп – это когда было-то? Теперь всё машинами делается...

– Машины машинами, а хлеб уважать нужно, – строго заметила Лёнькина мать Евдокия Ивановна и посмотрела на сына и Петю. – Вы, поди, думаете, что буханки да булки в магазине готовятся. А вам уж не мешало бы знать, как кусок хлеба на стол приходит.

– А я и так про хлеб всё знаю, – заявил Лёнька. – Это вон Петьке нужно... Он городской.

– Ничего ты толком ещё не знаешь... Так, с пятого на десятое, – сказала Евдокия Ивановна и обратилась к мужу: – Показал бы им, Василий, как хлеб в поле выращивают.

– Стоит, пожалуй, заняться, – согласился Василий Семёнович и кивнул ребятам:

– Ну что ж, с завтрашнего дня и начнём...

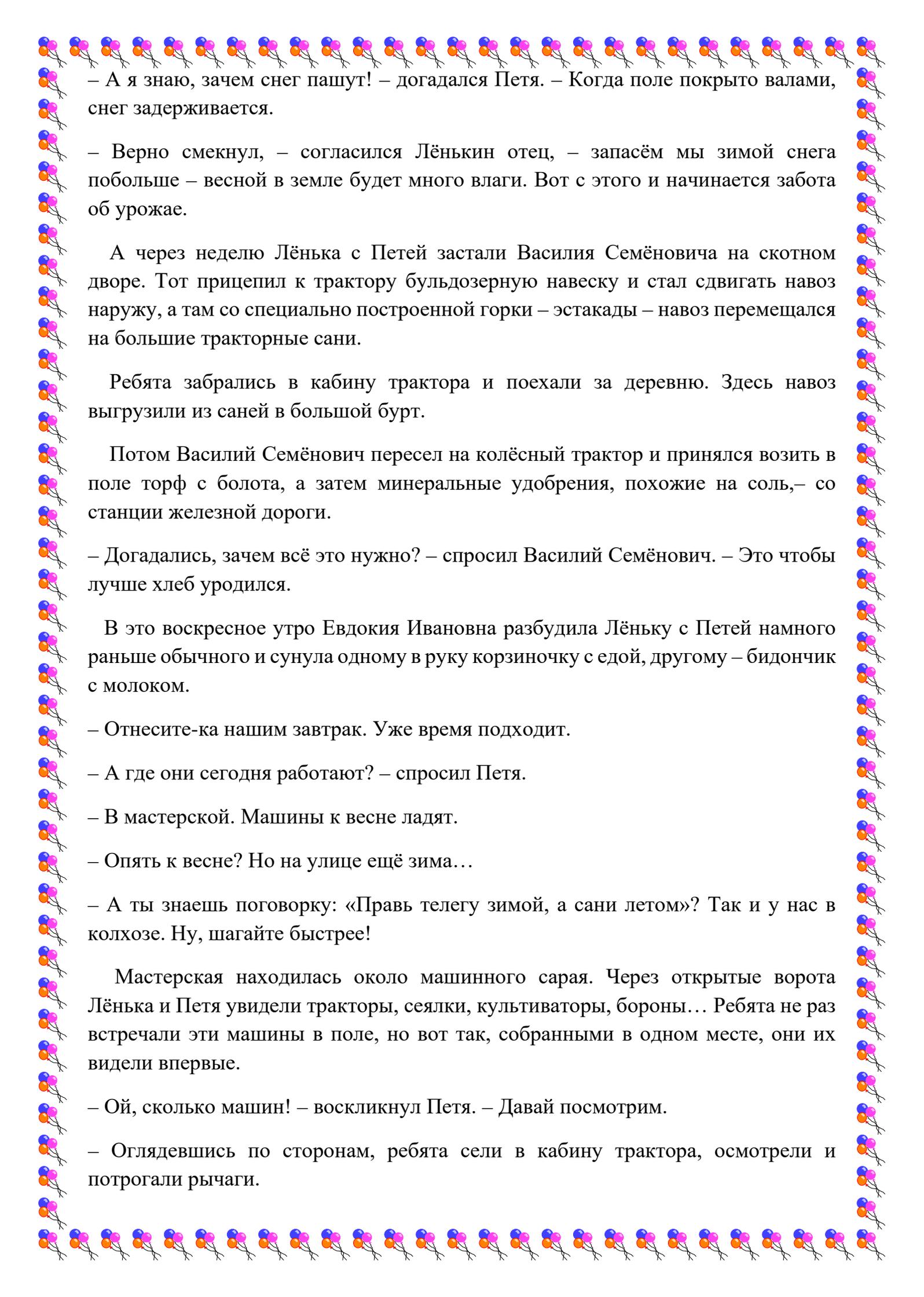
– С завтрашнего? – переспросил Лёнька. – Так сейчас же зима, снег кругом, морозы... И в поле ничего не растёт.

– А добрые хозяева об урожае всегда заранее думают... Ещё задолго до весны. Вот завтра и приходите ко мне в бригаду.

На другой день Лёнька с Петей узнали, что Василий Семёнович и Николай выехали на тракторах в поле и пахут там снег.

– А зачем же его пахать? – удивились ребята.

Они встали на лыжи и помчались за околицу. И верно: Лёнькин отец вспахивал снег. К трактору был прицеплен сколоченный из толстых брёвен тяжёлый треугольный плуг – снегопах. Он, как утюг, врезался в сугробы и сдвигал снег в толстые валы.

– А я знаю, зачем снег пашут! – догадался Петя. – Когда поле покрыто валами, снег задерживается.

– Верно смекнул, – согласился Лёнькин отец, – запасём мы зимой снега побольше – весной в земле будет много влаги. Вот с этого и начинается забота об урожае.

А через неделю Лёнька с Петей застали Василия Семёновича на скотном дворе. Тот прицепил к трактору бульдозерную навеску и стал сдвигать навоз наружу, а там со специально построенной горки – эстакады – навоз перемещался на большие тракторные сани.

Ребята забрались в кабину трактора и поехали за деревню. Здесь навоз выгрузили из саней в большой бурт.

Потом Василий Семёнович пересел на колёсный трактор и принялся возить в поле торф с болота, а затем минеральные удобрения, похожие на соль, – со станции железной дороги.

– Догадались, зачем всё это нужно? – спросил Василий Семёнович. – Это чтобы лучше хлеб уродился.

В это воскресное утро Евдокия Ивановна разбудила Лёньку с Петей намного раньше обычного и сунула одному в руку корзиночку с едой, другому – бидончик с молоком.

– Отнесите-ка нашим завтрак. Уже время подходит.

– А где они сегодня работают? – спросил Петя.

– В мастерской. Машины к весне ладят.

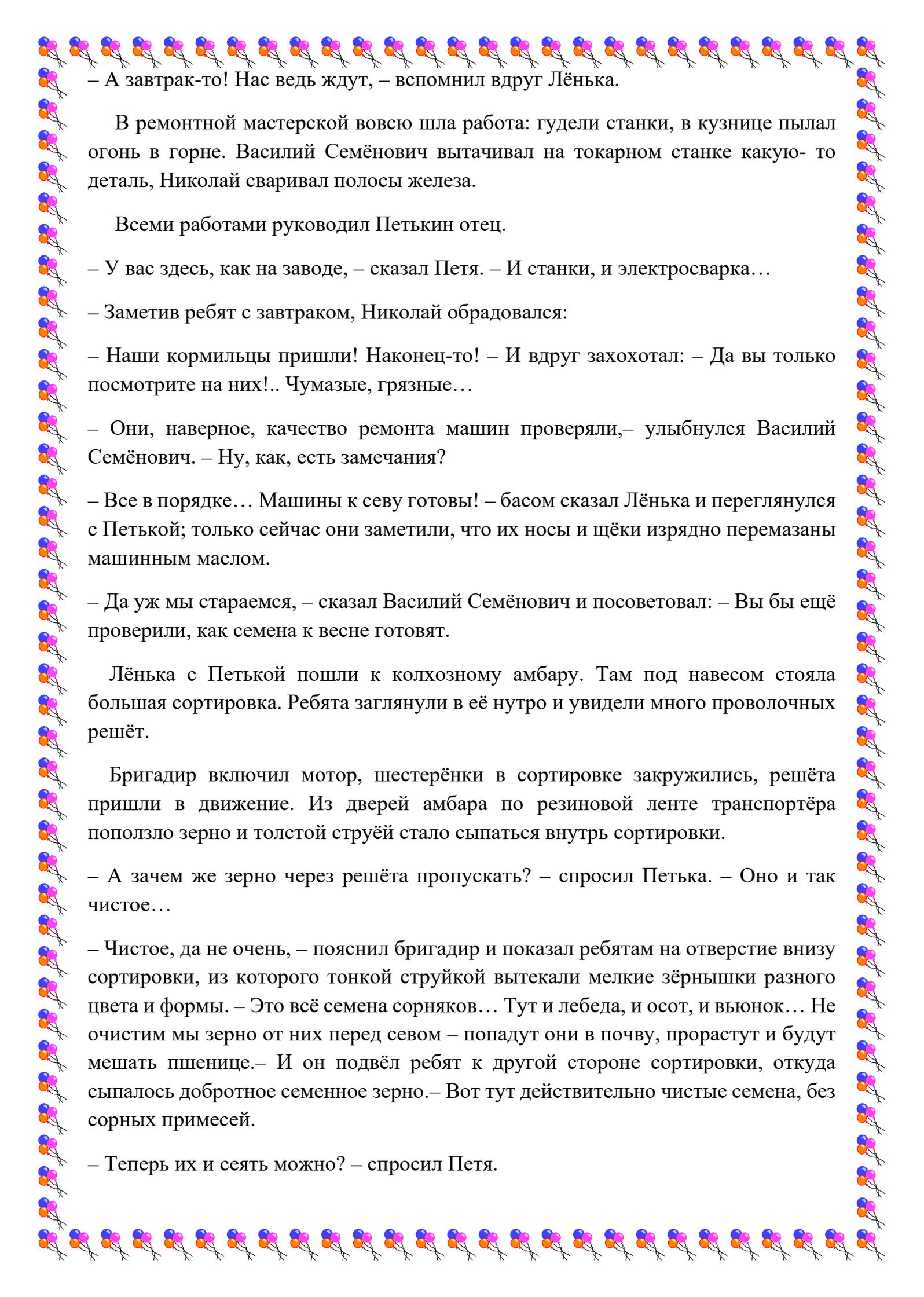
– Опять к весне? Но на улице ещё зима...

– А ты знаешь поговорку: «Правь телегу зимой, а сани летом»? Так и у нас в колхозе. Ну, шагайте быстрее!

Мастерская находилась около машинного сарая. Через открытые ворота Лёнька и Петя увидели тракторы, сеялки, культиваторы, бороны... Ребята не раз встречали эти машины в поле, но вот так, собранными в одном месте, они их видели впервые.

– Ой, сколько машин! – воскликнул Петя. – Давай посмотрим.

– Оглядевшись по сторонам, ребята сели в кабину трактора, осмотрели и потрогали рычаги.

– А завтрак-то! Нас ведь ждут, – вспомнил вдруг Лёнька.

В ремонтной мастерской всю шла работа: гудели станки, в кузнице пылал огонь в горне. Василий Семёнович вытачивал на токарном станке какую-то деталь, Николай сваривал полосы железа.

Всеми работами руководил Петькин отец.

– У вас здесь, как на заводе, – сказал Петя. – И станки, и электросварка...

– Заметив ребят с завтраком, Николай обрадовался:

– Наши кормильцы пришли! Наконец-то! – И вдруг захохотал: – Да вы только посмотрите на них!.. Чумазые, грязные...

– Они, наверное, качество ремонта машин проверяли, – улыбнулся Василий Семёнович. – Ну, как, есть замечания?

– Все в порядке... Машины к севу готовы! – басом сказал Лёнька и переглянулся с Петькой; только сейчас они заметили, что их носы и щёки изрядно перемазаны машинным маслом.

– Да уж мы стараемся, – сказал Василий Семёнович и посоветовал: – Вы бы ещё проверили, как семена к весне готовят.

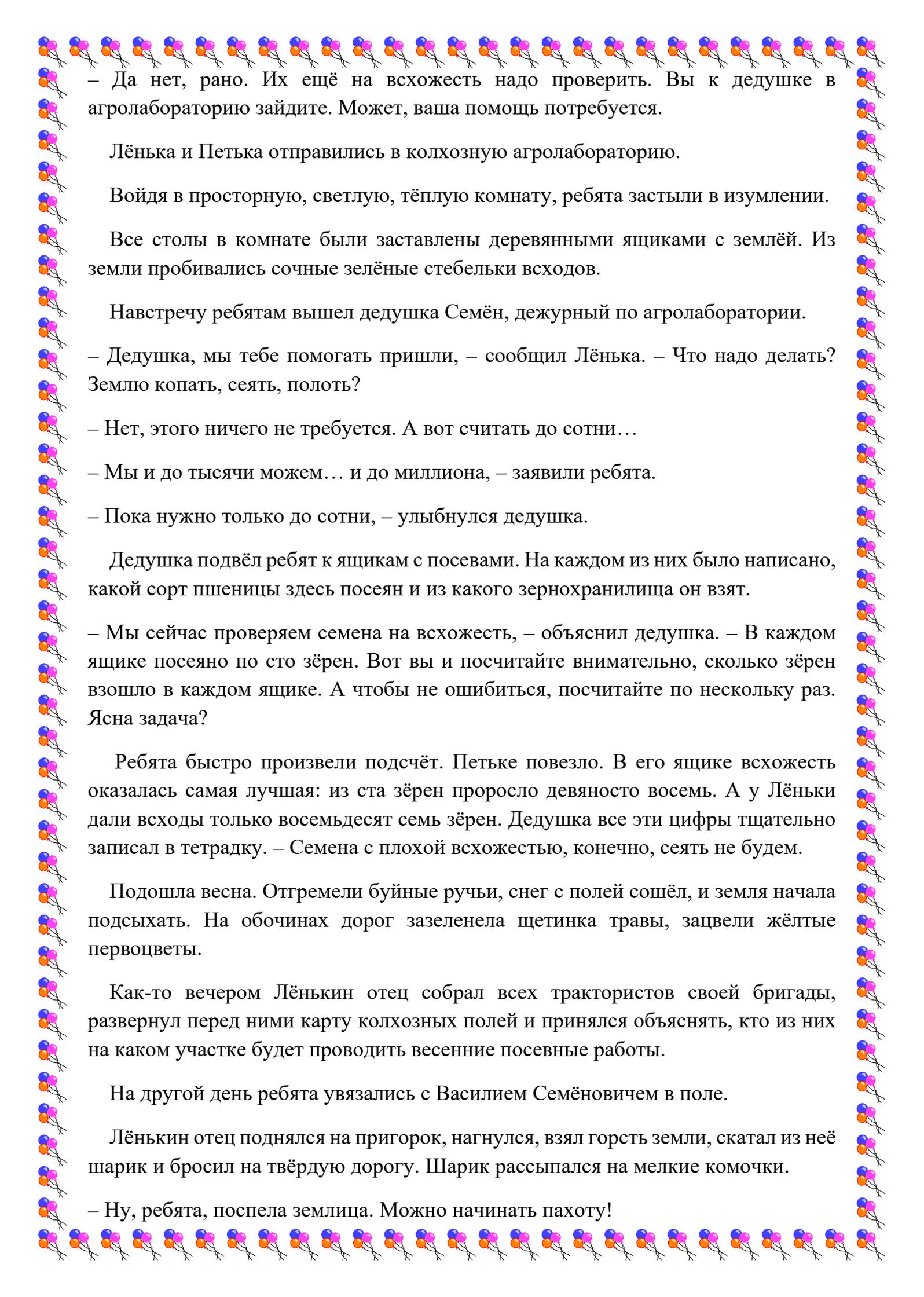
Лёнька с Петькой пошли к колхозному амбару. Там под навесом стояла большая сортировка. Ребята заглянули в её нутро и увидели много проволочных решёт.

Бригадир включил мотор, шестерёнки в сортировке закружились, решёта пришли в движение. Из дверей амбара по резиновой ленте транспортёра поползло зерно и толстой струёй стало сыпаться внутрь сортировки.

– А зачем же зерно через решёта пропускать? – спросил Петька. – Оно и так чистое...

– Чистое, да не очень, – пояснил бригадир и показал ребятам на отверстие внизу сортировки, из которого тонкой струйкой вытекали мелкие зёрнышки разного цвета и формы. – Это всё семена сорняков... Тут и лебеда, и осот, и вьюнок... Не очистим мы зерно от них перед севом – попадут они в почву, прорастут и будут мешать пшенице. – И он подвёл ребят к другой стороне сортировки, откуда сыпалось добротное семенное зерно. – Вот тут действительно чистые семена, без сорных примесей.

– Теперь их и сеять можно? – спросил Петя.

– Да нет, рано. Их ещё на всхожесть надо проверить. Вы к дедушке в агролабораторию зайдите. Может, ваша помощь потребуется.

Лёнька и Петька отправились в колхозную агролабораторию.

Войдя в просторную, светлую, тёплую комнату, ребята застыли в изумлении.

Все столы в комнате были заставлены деревянными ящиками с землёй. Из земли пробивались сочные зелёные стебельки всходов.

Навстречу ребятам вышел дедушка Семён, дежурный по агролаборатории.

– Дедушка, мы тебе помочь пришли, – сообщил Лёнька. – Что надо делать? Землю копать, сеять, полоть?

– Нет, этого ничего не требуется. А вот считать до сотни...

– Мы и до тысячи можем... и до миллиона, – заявили ребята.

– Пока нужно только до сотни, – улыбнулся дедушка.

Дедушка подвёл ребят к ящикам с посевами. На каждом из них было написано, какой сорт пшеницы здесь посеян и из какого зернохранилища он взят.

– Мы сейчас проверяем семена на всхожесть, – объяснил дедушка. – В каждом ящике посеяно по сто зёрен. Вот вы и посчитайте внимательно, сколько зёрен взошло в каждом ящике. А чтобы не ошибиться, посчитайте по нескольку раз. Ясна задача?

Ребята быстро произвели подсчёт. Петьке повезло. В его ящике всхожесть оказалась самая лучшая: из ста зёрен проросло девяносто восемь. А у Лёньки дали всходы только семьдесят семь зёрен. Дедушка все эти цифры тщательно записал в тетрадку. – Семена с плохой всхожестью, конечно, сеять не будем.

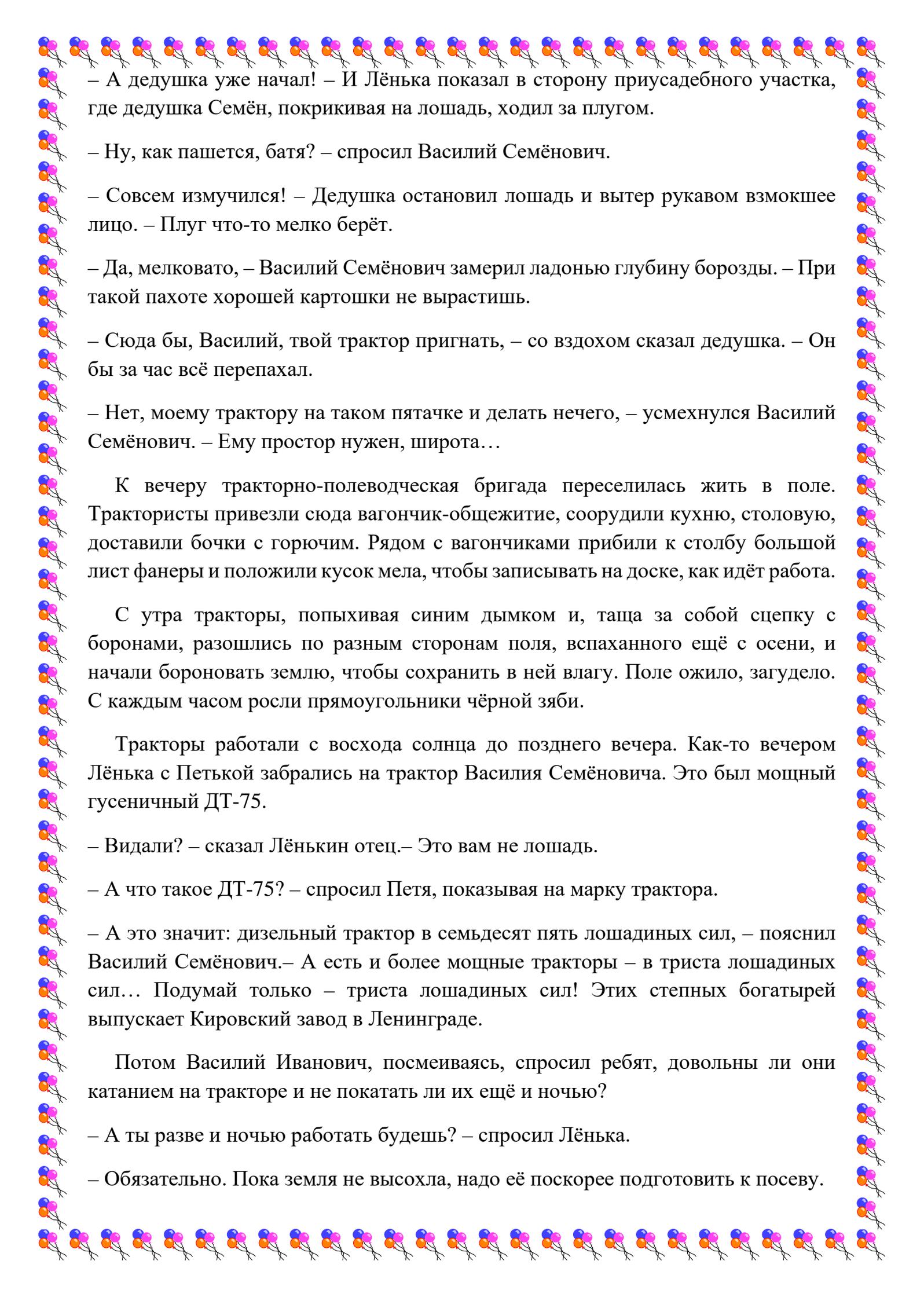
Подошла весна. Отгремели буйные ручьи, снег с полей сошёл, и земля начала подсыхать. На обочинах дорог зазеленела щетинка травы, зацвели жёлтые первоцветы.

Как-то вечером Лёнькин отец собрал всех трактористов своей бригады, развернул перед ними карту колхозных полей и принялся объяснять, кто из них на каком участке будет проводить весенние посевные работы.

На другой день ребята увязались с Василием Семёновичем в поле.

Лёнькин отец поднялся на пригорок, нагнулся, взял горсть земли, скатал из неё шарик и бросил на твёрдую дорогу. Шарик рассыпался на мелкие комочки.

– Ну, ребята, поспела земля. Можно начинать пахоту!

– А дедушка уже начал! – И Лёнька показал в сторону приусадебного участка, где дедушка Семён, покрикивая на лошадь, ходил за плугом.

– Ну, как пашется, батя? – спросил Василий Семёнович.

– Совсем измучился! – Дедушка остановил лошадь и вытер рукавом взмокшее лицо. – Плуг что-то мелко берёт.

– Да, мелкогато, – Василий Семёнович замерил ладонью глубину борозды. – При такой пахоте хорошей картошки не вырастишь.

– Сюда бы, Василий, твой трактор пригнать, – со вздохом сказал дедушка. – Он бы за час всё перепахал.

– Нет, моему трактору на таком пяточке и делать нечего, – усмехнулся Василий Семёнович. – Ему простор нужен, широта...

К вечеру тракторно-полеводческая бригада переселилась жить в поле. Трактористы привезли сюда вагончик-общежитие, соорудили кухню, столовую, доставили бочки с горючим. Рядом с вагончиками прибили к столбу большой лист фанеры и положили кусок мела, чтобы записывать на доске, как идёт работа.

С утра тракторы, попыхивая синим дымком и, таща за собой сцепку с боронами, разошлись по разным сторонам поля, вспаханного ещё с осени, и начали бороновать землю, чтобы сохранить в ней влагу. Поле ожило, загудело. С каждым часом росли прямоугольники чёрной зяби.

Тракторы работали с восхода солнца до позднего вечера. Как-то вечером Лёнька с Петькой забрались на трактор Василия Семёновича. Это был мощный гусеничный ДТ-75.

– Видали? – сказал Лёнькин отец. – Это вам не лошадь.

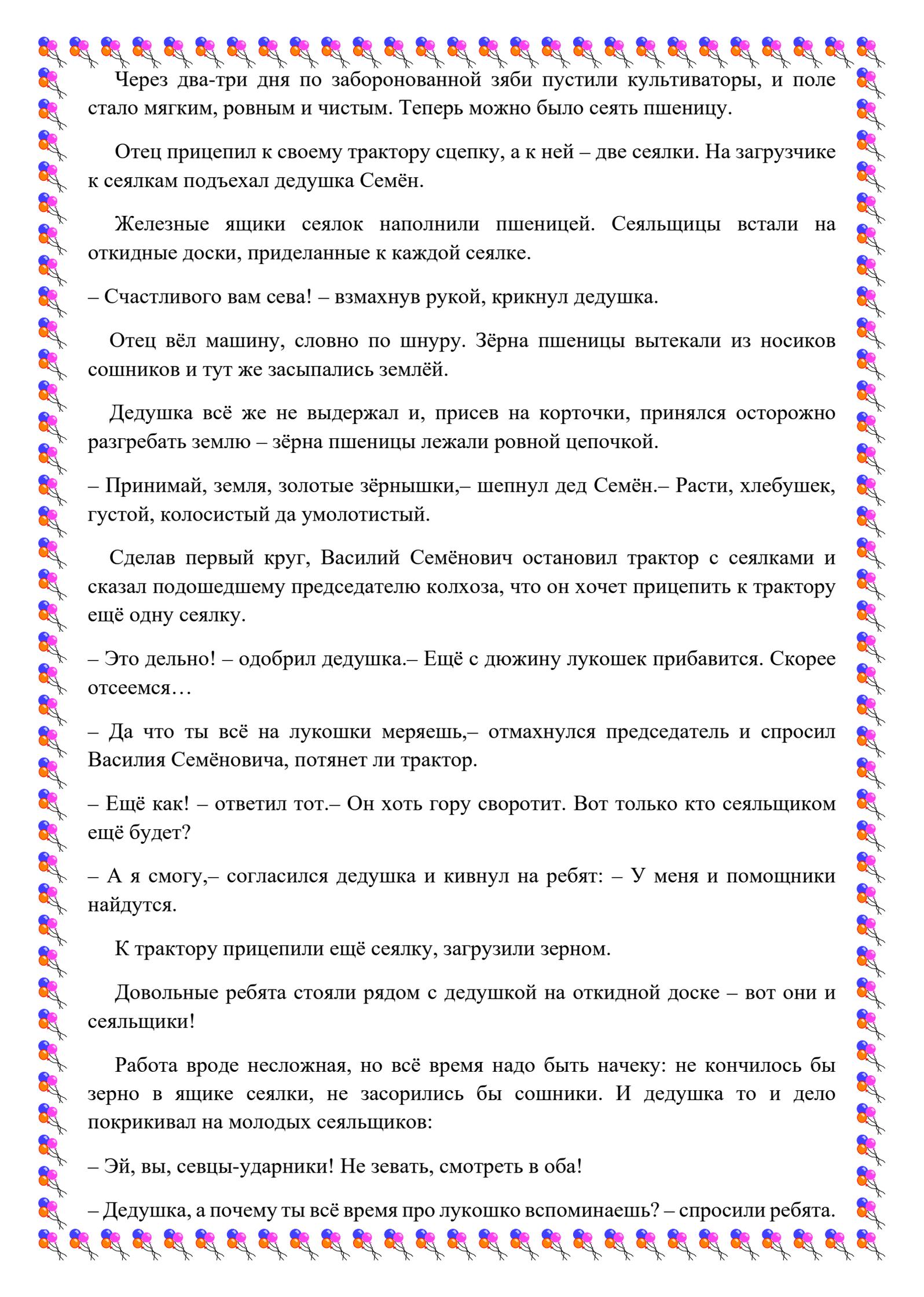
– А что такое ДТ-75? – спросил Петя, показывая на марку трактора.

– А это значит: дизельный трактор в семьдесят пять лошадиных сил, – пояснил Василий Семёнович. – А есть и более мощные тракторы – в триста лошадиных сил... Подумай только – триста лошадиных сил! Этим степных богатырей выпускает Кировский завод в Ленинграде.

Потом Василий Иванович, посмеиваясь, спросил ребят, довольны ли они катанием на тракторе и не покатать ли их ещё и ночью?

– А ты разве и ночью работать будешь? – спросил Лёнька.

– Обязательно. Пока земля не высохла, надо её поскорее подготовить к посеву.

Через два-три дня по заборонованной зяби пустили культиваторы, и поле стало мягким, ровным и чистым. Теперь можно было сеять пшеницу.

Отец прицепил к своему трактору сцепку, а к ней – две сеялки. На загрузчике к сеялкам подъехал дедушка Семён.

Железные ящики сеялок наполнили пшеницей. Сеяльщицы встали на откидные доски, приделанные к каждой сеялке.

– Счастливого вам сева! – взмахнув рукой, крикнул дедушка.

Отец вёл машину, словно по шнуру. Зёрна пшеницы вытекали из носиков сошников и тут же засыпались землёй.

Дедушка всё же не выдержал и, присев на корточки, принялся осторожно разгребать землю – зёрна пшеницы лежали ровной цепочкой.

– Принимай, земля, золотые зёрнышки, – шепнул дед Семён. – Расти, хлебушек, густой, колосистый да умолотистый.

Сделав первый круг, Василий Семёнович остановил трактор с сеялками и сказал подошедшему председателю колхоза, что он хочет прицепить к трактору ещё одну сеялку.

– Это дельно! – одобрил дедушка. – Ещё с дюжину лукошек прибавится. Скорее отсеемся...

– Да что ты всё на лукошки меряешь, – отмахнулся председатель и спросил Василия Семёновича, потянет ли трактор.

– Ещё как! – ответил тот. – Он хоть гору своротит. Вот только кто сеяльщиком ещё будет?

– А я смогу, – согласился дедушка и кивнул на ребят: – У меня и помощники найдутся.

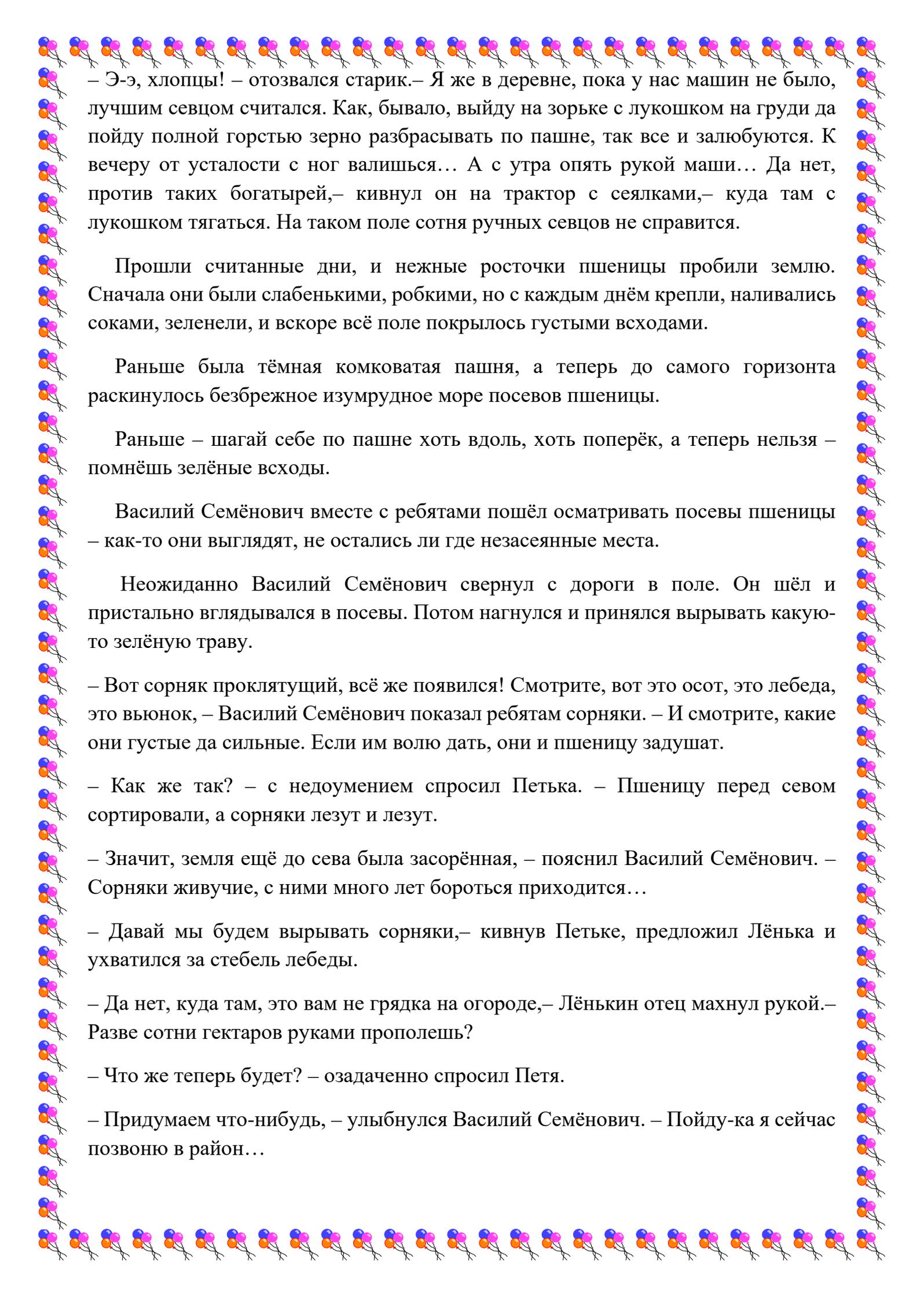
К трактору прицепили ещё сеялку, загрузили зерном.

Довольные ребята стояли рядом с дедушкой на откидной доске – вот они и сеяльщики!

Работа вроде несложная, но всё время надо быть начеку: не кончилось бы зерно в ящике сеялки, не засорились бы сошники. И дедушка то и дело покрикивал на молодых сеяльщиков:

– Эй, вы, севцы-ударники! Не зевать, смотреть в оба!

– Дедушка, а почему ты всё время про лукошко вспоминаешь? – спросили ребята.

– Э-э, хлопцы! – отозвался старик. – Я же в деревне, пока у нас машин не было, лучшим севцом считался. Как, бывало, выйду на зорьке с лукошком на груди да пойду полной горстью зерно разбрасывать по пашне, так все и залюбуются. К вечеру от усталости с ног валишься... А с утра опять рукой маши... Да нет, против таких богатырей, – кивнул он на трактор с сеялками, – куда там с лукошком тягаться. На таком поле сотня ручных севцов не справится.

Прошли считанные дни, и нежные росточки пшеницы пробили землю. Сначала они были слабенькими, робкими, но с каждым днём крепили, наливались соками, зеленели, и вскоре всё поле покрылось густыми всходами.

Раньше была тёмная комковатая пашня, а теперь до самого горизонта раскинулось безбрежное изумрудное море посевов пшеницы.

Раньше – шагай себе по пашне хоть вдоль, хоть поперёк, а теперь нельзя – помнёшь зелёные всходы.

Василий Семёнович вместе с ребятами пошёл осматривать посеы пшеницы – как-то они выглядят, не остались ли где незасеянные места.

Неожиданно Василий Семёнович свернул с дороги в поле. Он шёл и пристально вглядывался в посеы. Потом нагнулся и принялся вырывать какую-то зелёную траву.

– Вот сорняк проклятуций, всё же появился! Смотрите, вот это осот, это лебеда, это вьюнок, – Василий Семёнович показал ребятам сорняки. – И смотрите, какие они густые да сильные. Если им волю дать, они и пшеницу задушат.

– Как же так? – с недоумением спросил Петька. – Пшеницу перед севом сортировали, а сорняки лезут и лезут.

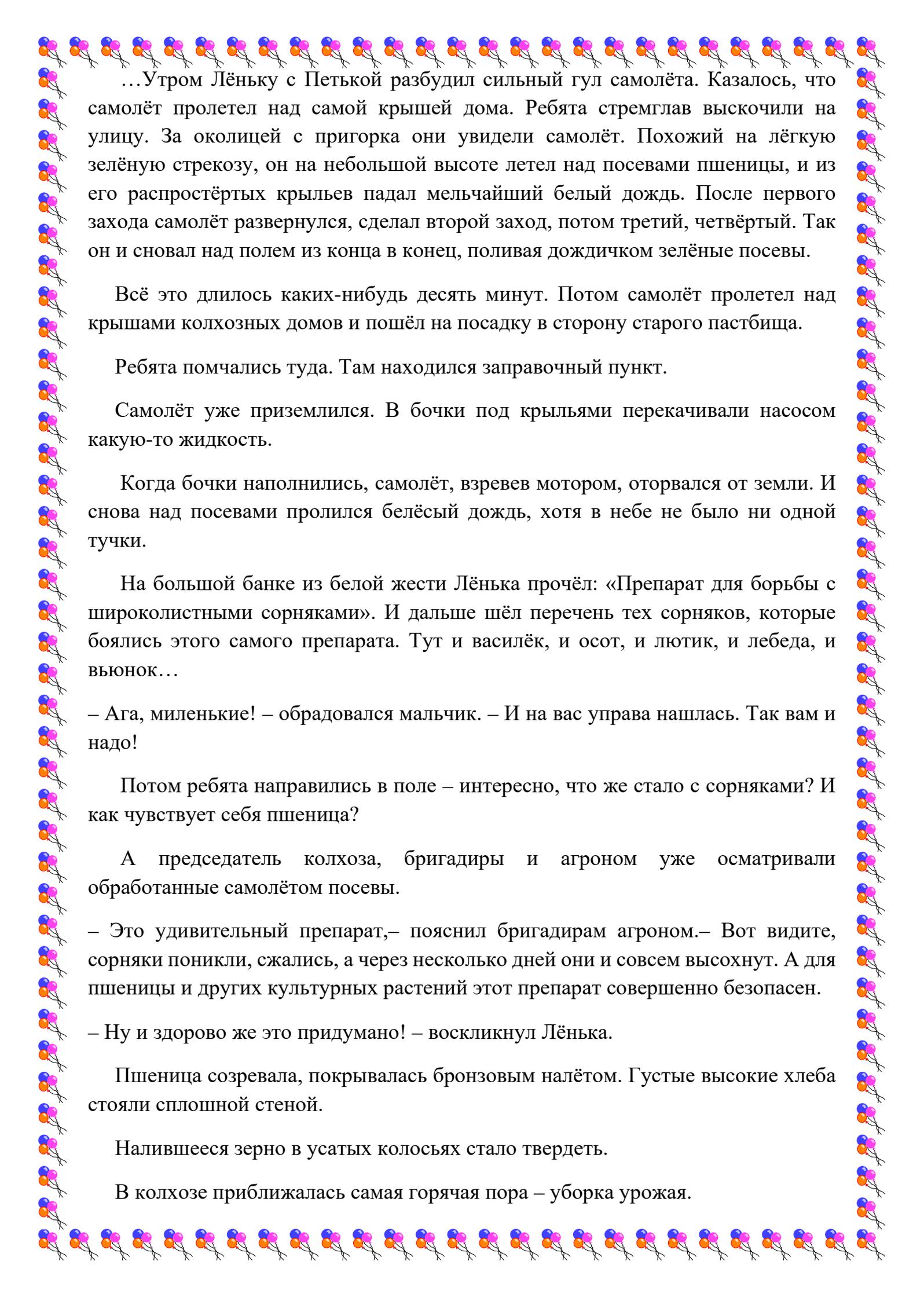
– Значит, земля ещё до сева была засорённая, – пояснил Василий Семёнович. – Сорняки живучие, с ними много лет бороться приходится...

– Давай мы будем вырывать сорняки, – кивнув Петьке, предложил Лёнька и ухватился за стебель лебеды.

– Да нет, куда там, это вам не грядка на огороде, – Лёнькин отец махнул рукой. – Разве сотни гектаров руками прополешь?

– Что же теперь будет? – озадаченно спросил Петя.

– Придумаем что-нибудь, – улыбнулся Василий Семёнович. – Пойду-ка я сейчас позвоню в район...

...Утром Лёньку с Петькой разбудил сильный гул самолёта. Казалось, что самолёт пролетел над самой крышей дома. Ребята стремглав выскочили на улицу. За околицей с пригорка они увидели самолёт. Похожий на лёгкую зелёную стрекозу, он на небольшой высоте летел над посевами пшеницы, и из его распротёртых крыльев падал мельчайший белый дождь. После первого захода самолёт развернулся, сделал второй заход, потом третий, четвёртый. Так он и сновал над полем из конца в конец, поливая дождичком зелёные посевы.

Всё это длилось каких-нибудь десять минут. Потом самолёт пролетел над крышами колхозных домов и пошёл на посадку в сторону старого пастбища.

Ребята помчались туда. Там находился заправочный пункт.

Самолёт уже приземлился. В бочки под крыльями перекачивали насосом какую-то жидкость.

Когда бочки наполнились, самолёт, взревев мотором, оторвался от земли. И снова над посевами пролился белёсый дождь, хотя в небе не было ни одной тучки.

На большой банке из белой жести Лёнька прочёл: «Препарат для борьбы с широколистными сорняками». И дальше шёл перечень тех сорняков, которые боялись этого самого препарата. Тут и василёк, и осот, и лютик, и лебеда, и вьюнок...

– Ага, миленькие! – обрадовался мальчик. – И на вас управа нашлась. Так вам и надо!

Потом ребята направились в поле – интересно, что же стало с сорняками? И как чувствует себя пшеница?

А председатель колхоза, бригадиры и агроном уже осматривали обработанные самолётом посевы.

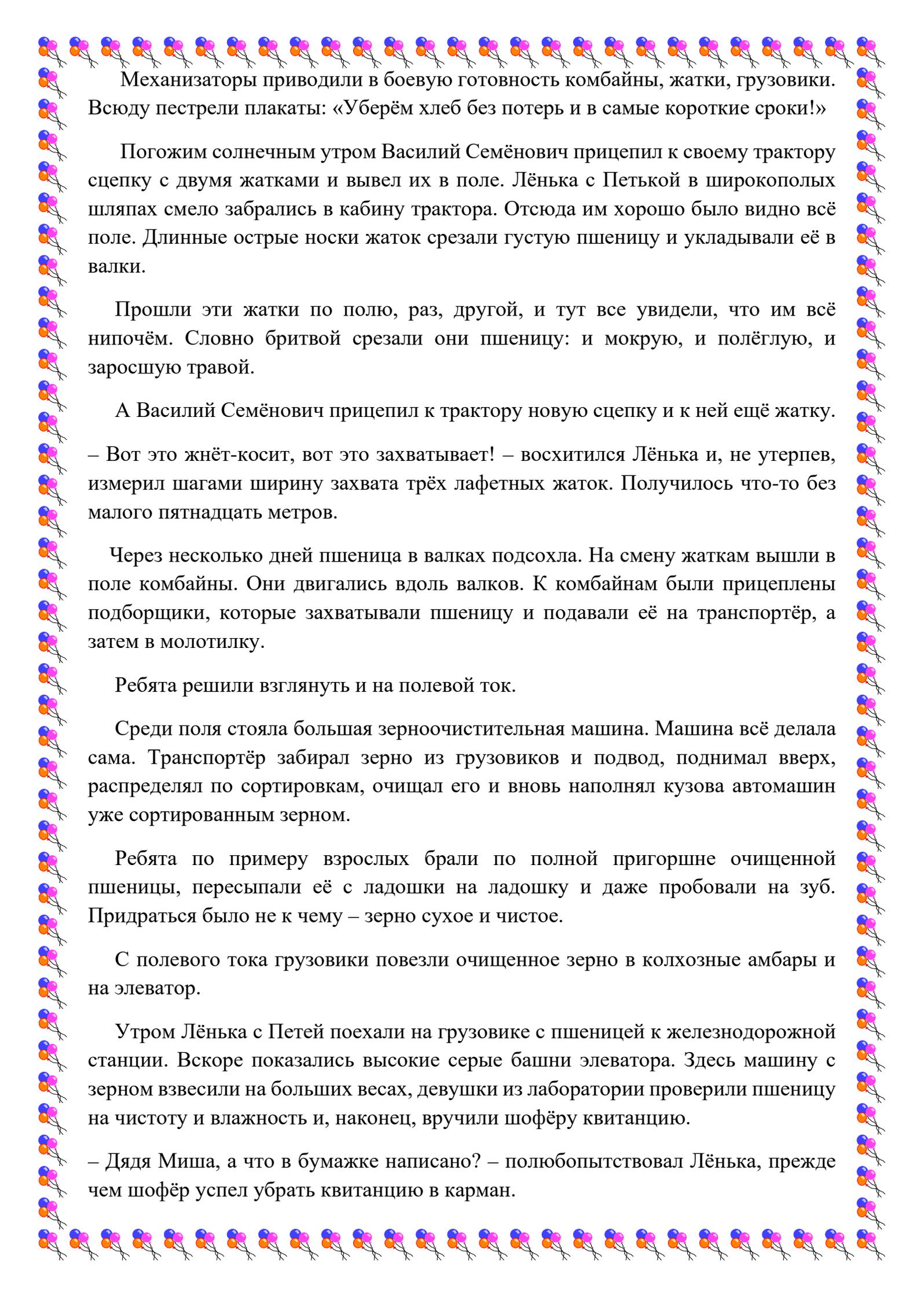
– Это удивительный препарат, – пояснил бригадирам агроном. – Вот видите, сорняки поникли, сжались, а через несколько дней они и совсем высохнут. А для пшеницы и других культурных растений этот препарат совершенно безопасен.

– Ну и здорово же это придумано! – воскликнул Лёнька.

Пшеница созревала, покрывалась бронзовым налётом. Густые высокие хлеба стояли сплошной стеной.

Налившееся зерно в усатых колосьях стало твердеть.

В колхозе приближалась самая горячая пора – уборка урожая.

Механизаторы приводили в боевую готовность комбайны, жатки, грузовики. Всюду пестрели плакаты: «Уберём хлеб без потерь и в самые короткие сроки!»

Погожим солнечным утром Василий Семёнович прицепил к своему трактору сцепку с двумя жатками и вывел их в поле. Лёнька с Петькой в широкополых шляпах смело забрались в кабину трактора. Отсюда им хорошо было видно всё поле. Длинные острые носки жаток срезали густую пшеницу и укладывали её в валки.

Прошли эти жатки по полю, раз, другой, и тут все увидели, что им всё нипочём. Словно бритвой срезали они пшеницу: и мокрую, и полёглую, и заросшую травой.

А Василий Семёнович прицепил к трактору новую сцепку и к ней ещё жатку. – Вот это жнёт-косит, вот это захватывает! – восхитился Лёнька и, не утерпев, измерил шагами ширину захвата трёх лафетных жаток. Получилось что-то без малого пятнадцать метров.

Через несколько дней пшеница в валках подсохла. На смену жаткам вышли в поле комбайны. Они двигались вдоль валков. К комбайнам были прицеплены подборщики, которые захватывали пшеницу и подавали её на транспортёр, а затем в молотилку.

Ребята решили взглянуть и на полевой ток.

Среди поля стояла большая зерноочистительная машина. Машина всё делала сама. Транспортёр забирал зерно из грузовиков и подвод, поднимал вверх, распределял по сортировкам, очищал его и вновь наполнял кузова автомашин уже сортированным зерном.

Ребята по примеру взрослых брали по полной пригоршне очищенной пшеницы, пересыпали её с ладошки на ладошку и даже пробовали на зуб. Придаться было не к чему – зерно сухое и чистое.

С полевого тока грузовики повезли очищенное зерно в колхозные амбары и на элеватор.

Утром Лёнька с Петей поехали на грузовике с пшеницей к железнодорожной станции. Вскоре показались высокие серые башни элеватора. Здесь машину с зерном взвесили на больших весах, девушки из лаборатории проверили пшеницу на чистоту и влажность и, наконец, вручили шофёру квитанцию.

– Дядя Миша, а что в бумажке написано? – любопытствовал Лёнька, прежде чем шофёр успел убрать квитанцию в карман.

– Написано, сколько пшеницы наш колхоз продал государству, по какой цене, а главное, сказано, что зерно принято элеватором по первому сорту, – пояснил дядя Миша.

– А я знаю, куда колхозное зерно пойдёт, – сказал Петя, садясь в машину.

– Куда же? – спросил Лёнька.

– Его на мельницу свезут, смелют, муку в пекарню отправят. Там булок напекут, саек, калачей, баранок. Потом в магазинах продавать будут. Ешь на здоровье!

К концу месяца колхоз обмолотил всю пшеницу.

– Вот мы и перехитрили непогоду, – сказал Василий Семёнович, когда вся семья вернулась с поля и села обедать. – Дали твёрдое слово за две недели убрать весь хлеб – и убрали. И дождь нас не задержал, и зерно мы не потеряли!

Дедушка отрезал каждому от свежее испечённого каравая по ломтю хлеба.

– Отведайте-ка нового урожая... Чуете, какой дух сытный, – и он лукаво поглядел на Лёньку с Петей. – Теперь-то вы знаете, как кусок хлеба на стол приходит.

Ребята взяли по ломтю хлеба и переглянулись: ещё бы не знать!

Василий Сухомлинский

Не потерял, а нашёл

Когда сыну исполнилось двенадцать лет, отец дал ему новую лопатку и сказал:

– Иди, сын, в поле, отмерь участок площадью сто ступней вдоль и сто поперек и вскопай.

Пошел сын в поле, отмерил участок и стал копать. А копать он еще не умел. Трудно было вначале, пока приловчился копать и к лопате приспособился.

К концу работа пошла все лучше и лучше. Но, когда сын вонзил лопату в землю, чтобы перевернуть последнюю горсть почвы, лопата сломалась.

Возвратился сын домой, а на душе беспокойно: что скажет отец за сломанную лопату?

– Простите меня, отец, – сказал сын. – Я допустил потерю в хозяйстве. Лопата сломалась.

– А копать ты научился? Копать тебе в конце было трудно или легко?

– Научился, и копать в конце мне было легче, чем в начале.

– Значит, ты не потерял, а нашел.

– Что же я нашел, отец?

– Желание трудиться. Это самая дорогая находка.

Валентина Осеева

Сыновья

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

– Мой сынок ловок да силён, никто с ним не сладит.

– А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, – говорит другая.

А третья молчит.

– Что же ты про своего сына не скажешь? – спрашивают её соседки.

– Что же сказать? – говорит женщина. – Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок – за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит – любят им женщины.

Другой песню поёт, соловьем заливается – заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё ведра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

– Ну что? Каковы наши сыновья?

– А где ж они? – отвечает старик. – Я только одного сына вижу!

Василий Сухомлинский

Пекарь и Портной

Заспорили Пекарь и Портной: чей труд важнее и нужнее людям? Пекарь говорит Портному:

– Что случится, если я не испеку хлеб? Да без хлеба ни шахтер в шахту не спустится, ни тракторист за руль не сядет, ни ты, Портной, ножницы в руки не возьмешь.

– А что случится, если портных не станет? Кто одежду сошьет? Без одежды ни шахтер в шахту не спустится, ни тракторист за руль не сядет, ни ты, Пекарь, в свою пекарню не пойдешь.

Так и не пришли к одному мнению – чей же труд важнее и нужнее людям.

– Я обойдусь без тебя, Портной, – сказал Пекарь.

– И я проживу без тебя, Пекарь, – ответил Портной.

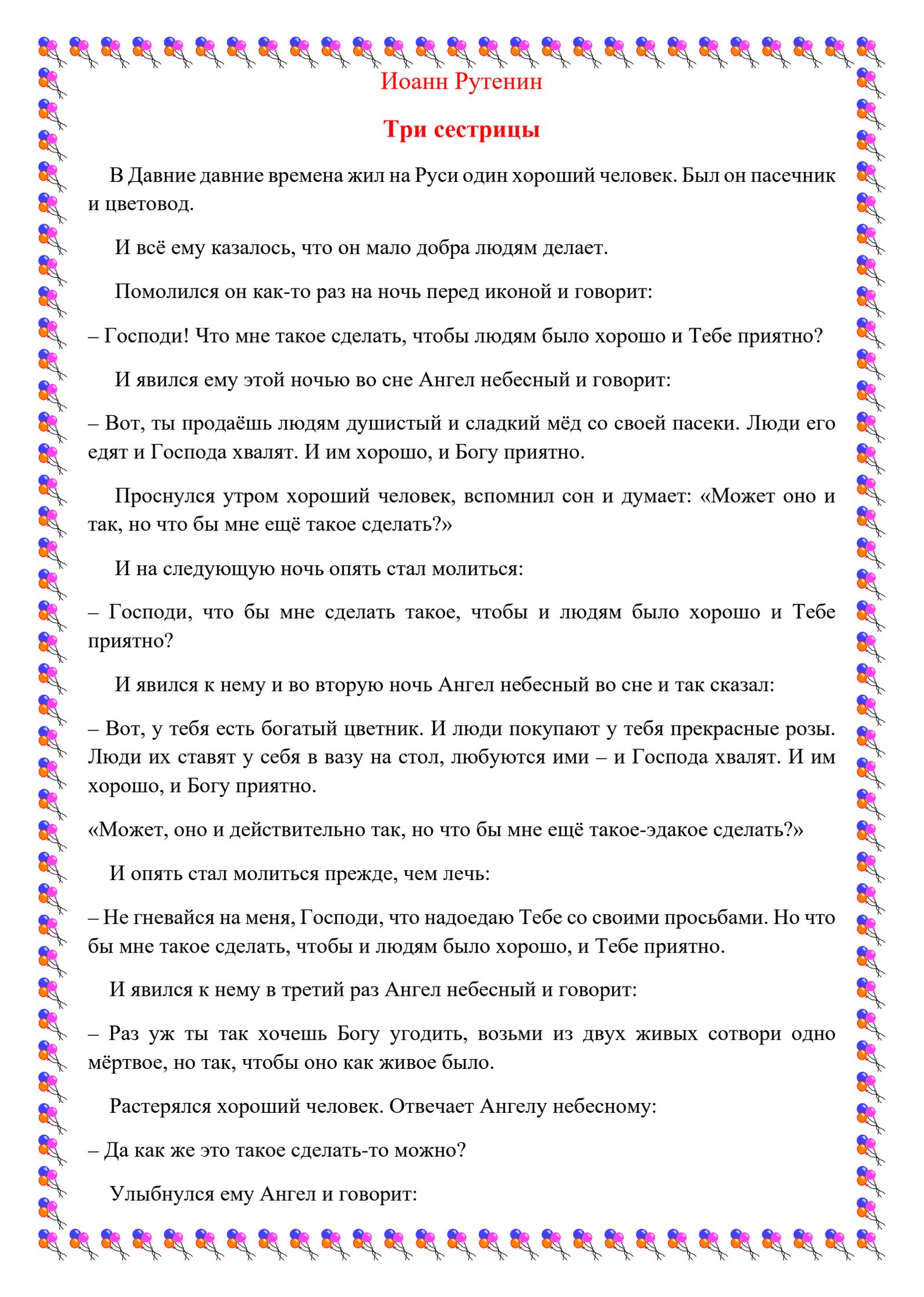
Пошли каждый на свою работу. Трудится Пекарь день, трудится другой – можно и без Портного обойтись. На третий день повесил Пекарь пиджак возле печи, рукав пиджака и обгорел; да так обгорел, что и пепел посыпался. Почесал затылок Пекарь. Что же делать? Пиджак с одним рукавом. К Портному нужно идти...

А Портной тем временем поработал день без хлеба – ел суп и кашу. Поработал второй день без хлеба... А на третий день живот так подвело, что и ножницы из рук выпали. Надо идти к Пекарю за хлебом.

Вышли из дома одновременно – Пекарь и Портной. Пекарь шел к Портному, а Портной – к Пекарю.

Встретились. Пекарь держит в руке пиджак без рукава, а Портной – пустую корзинку.

Иоанн Рутенин

Три сестрицы

В Давние давние времена жил на Руси один хороший человек. Был он пасечник и цветовод.

И всё ему казалось, что он мало добра людям делает.

Помолился он как-то раз на ночь перед иконой и говорит:

– Господи! Что мне такое сделать, чтобы людям было хорошо и Тебе приятно?

И явился ему этой ночью во сне Ангел небесный и говорит:

– Вот, ты продаёшь людям душистый и сладкий мёд со своей пасеки. Люди его едят и Господа хвалят. И им хорошо, и Богу приятно.

Проснулся утром хороший человек, вспомнил сон и думает: «Может оно и так, но что бы мне ещё такое сделать?»

И на следующую ночь опять стал молиться:

– Господи, что бы мне сделать такое, чтобы и людям было хорошо и Тебе приятно?

И явился к нему и во вторую ночь Ангел небесный во сне и так сказал:

– Вот, у тебя есть богатый цветник. И люди покупают у тебя прекрасные розы. Люди их ставят у себя в вазу на стол, любуются ими – и Господа хвалят. И им хорошо, и Богу приятно.

«Может, оно и действительно так, но что бы мне ещё такое-эдакое сделать?»

И опять стал молиться прежде, чем лечь:

– Не гневайся на меня, Господи, что надоедаю Тебе со своими просьбами. Но что бы мне такое сделать, чтобы и людям было хорошо, и Тебе приятно.

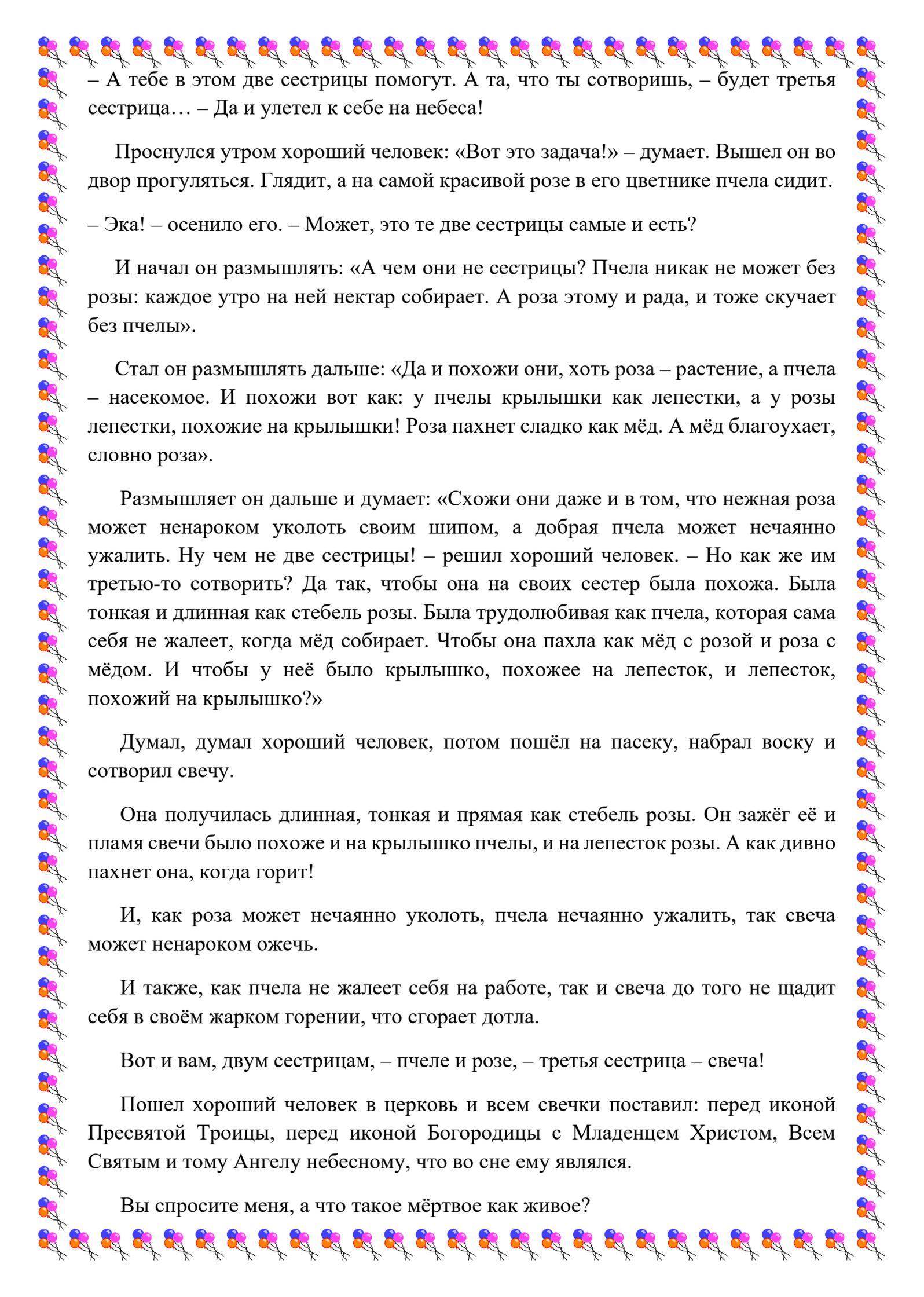
И явился к нему в третий раз Ангел небесный и говорит:

– Раз уж ты так хочешь Богу угодить, возьми из двух живых сотвори одно мёртвое, но так, чтобы оно как живое было.

Растерялся хороший человек. Отвечает Ангелу небесному:

– Да как же это такое сделать-то можно?

Улыбнулся ему Ангел и говорит:

– А тебе в этом две сестрицы помогут. А та, что ты сотворишь, – будет третья сестрица... – Да и улетел к себе на небеса!

Проснулся утром хороший человек: «Вот это задача!» – думает. Вышел он во двор прогуляться. Глядит, а на самой красивой розе в его цветнике пчела сидит.

– Эка! – осенило его. – Может, это те две сестрицы самые и есть?

И начал он размышлять: «А чем они не сестрицы? Пчела никак не может без розы: каждое утро на ней нектар собирает. А роза этому и рада, и тоже скучает без пчелы».

Стал он размышлять дальше: «Да и похожи они, хоть роза – растение, а пчела – насекомое. И похожи вот как: у пчелы крылышки как лепестки, а у розы лепестки, похожие на крылышки! Роза пахнет сладко как мёд. А мёд благоухает, словно роза».

Размышляет он дальше и думает: «Схожи они даже и в том, что нежная роза может ненароком уколоть своим шипом, а добрая пчела может нечаянно ужалить. Ну чем не две сестрицы! – решил хороший человек. – Но как же им третью-то сотворить? Да так, чтобы она на своих сестер была похожа. Была тонкая и длинная как стебель розы. Была трудолюбивая как пчела, которая сама себя не жалеет, когда мёд собирает. Чтобы она пахла как мёд с розой и роза с мёдом. И чтобы у неё было крылышко, похожее на лепесток, и лепесток, похожий на крылышко?»

Думал, думал хороший человек, потом пошёл на пасеку, набрал воску и сотворил свечу.

Она получилась длинная, тонкая и прямая как стебель розы. Он зажёт её и пламя свечи было похоже и на крылышко пчелы, и на лепесток розы. А как дивно пахнет она, когда горит!

И, как роза может нечаянно уколоть, пчела нечаянно ужалить, так свеча может ненароком ожечь.

И также, как пчела не жалеет себя на работе, так и свеча до того не щадит себя в своём жарком горении, что сгорает дотла.

Вот и вам, двум сестрицам, – пчеле и розе, – третья сестрица – свеча!

Пошел хороший человек в церковь и всем свечки поставил: перед иконой Пресвятой Троицы, перед иконой Богородицы с Младенцем Христом, Всем Святым и тому Ангелу небесному, что во сне ему являлся.

Вы спросите меня, а что такое мёртвое как живое?

А вы зажгите свечку перед иконой. Посмотрите на её огонек.

Разве он не живой? Живой!

И как он молится вместе с нами Господу и Богородице!

И людям хорошо, и Богу приятно!..

Василий Сухомлинский

Счастье и труд

У одной бедной женщины были два сына-близнеца. Когда сыновьям исполнилось семь лет, мать дала им по ведру, взяла за руки и сказала:

– Пойдем, сыны, добывать разум.

Шли они день, шли другой, а на третий пришли к высокой горе.

– В этой горе, – рассказала мать, – маленькими золотыми крупичками рассыпан разум. Чтобы добыть разум, нужно найти полное ведро маленьких золотых крупинок. Добывайте себе разум. – И дала сыновьям по маленькой лопатке.

Сыновья-близнецы были очень похожи друг на друга: синие глаза, черные брови, белое лицо... но душа у них была разная. Один сын – Работящий, а другой – Ленивый.

Ленивый взял ведро и лопатку и пошел прочь от горы.

– Пойду к речке, – сказал он Работящему, – рыбу половлю и уху сварю.

А Работящий сел возле высокой горы и начал пересыпать землю маленькой лопаткой. Наберет лопатку земли, высыпет, а из нее иногда падает золотая крупинка. Он ту крупинку и кладет в ведро.

Прошло много лет. Ленивый сын вспомнил о своем Работящем брате и решил: пойду посмотрю, жив ли он еще.

Идет день, идет другой, на третий день приходит к горе. Но гора совсем не там, где была много лет тому назад, когда они с братом были семилетними детьми. Стоит возле горы Работящий брат, а рядом с ним полное ведро золотых крупинок.

Удивился Ленивый, понял, что его Работящий брат пересыпал всю земляную гору и добыл разум. А он, Ленивый, только и научился рыбу ловить и уху варить.

– Что же ты теперь будешь делать? – поинтересовался Ленивый брат у Работящего.

– Пойду добывать счастье для матери.

– За золото, счастье купишь? – спросил Ленивый.

– Счастье не покупается, – отвечал Работящий брат, – счастье достигается трудом.

Василий Сухомлинский

Дырявое ведро

Один раз в неделю третьеклассники приходили вечером в школу с ведрами. Они поливали маленькие дубки, которые росли довольно далеко от школы – метров за триста.

Приходил и Николай Лежебока. Очень не хотелось ему работать. Несет Николай ведро с водой и всю дорогу от колодца и до дубков думает: «Зачем я на свет родился? Разве для того, чтобы это ведро носить?» Когда приближался день работы, Николай с самого утра думал: «Хотя бы сегодня дождь пошел».

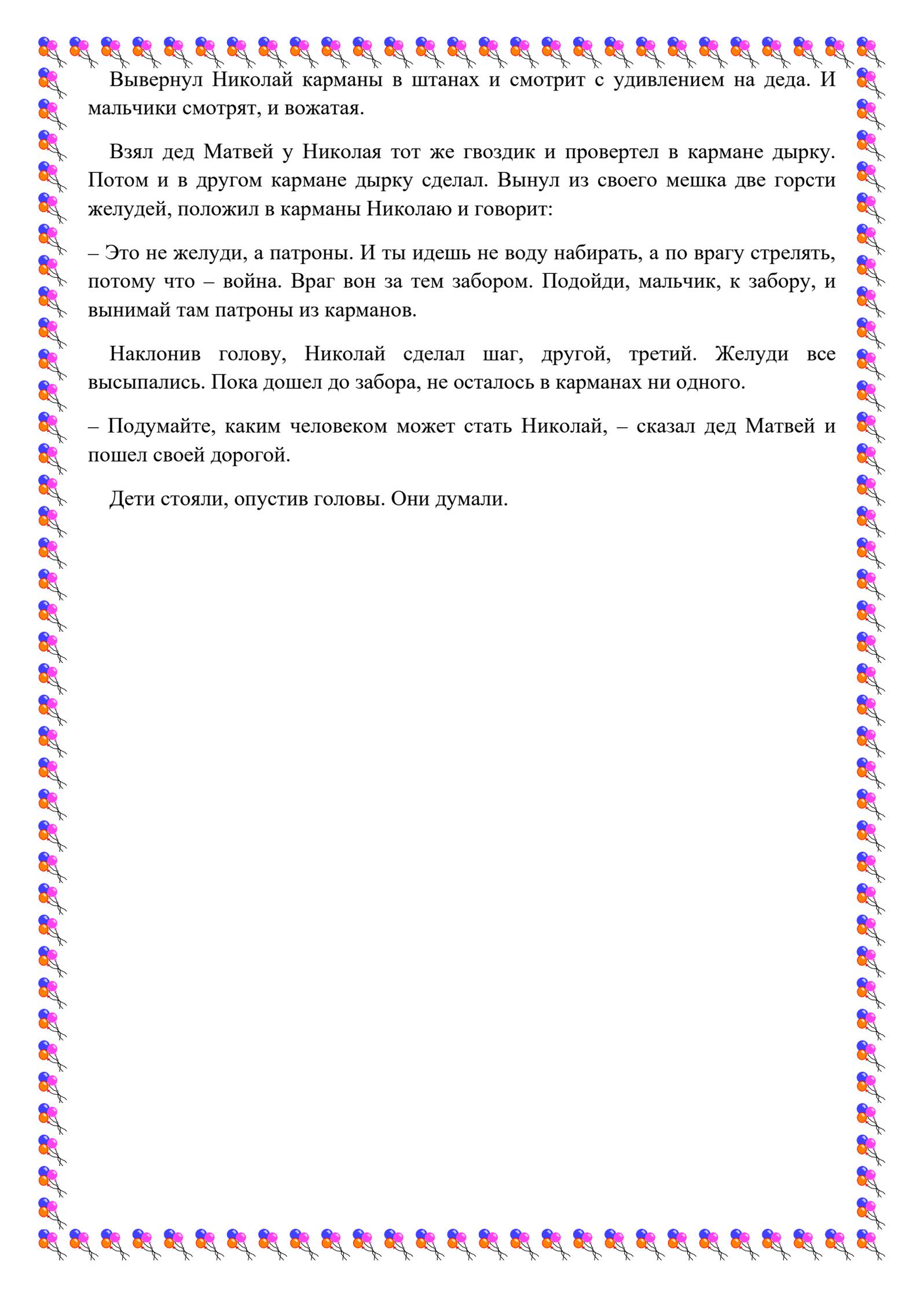
Но дождя не было. Николай стал думать: «Как бы облегчить работу?» И придумал: пробил гвоздиком дырочку на дне ведра.

Набирает Николай полное ведро, но пока донесет – воды на дне – стакан остается. Легко стало Лежебоке.

Однажды к зеленым дубкам пришел дед Матвей – старый солдат. Все в селе уважали деда Матвея: за подвиги на фронте награжден он был тремя орденами.

Увидел дед Матвей, что Николай обманывает товарищей, а никто не видит обмана. Подошел к Николаю, когда мальчик выливал под дубок стакан воды, положил ему руку на плечо и говорит:

– Выверни карманы.

Вывернул Николай карманы в штанах и смотрит с удивлением на деда. И мальчики смотрят, и вожатая.

Взял дед Матвей у Николая тот же гвоздик и провертел в кармане дырку. Потом и в другом кармане дырку сделал. Вынул из своего мешка две горсти желудей, положил в карманы Николаю и говорит:

– Это не желуди, а патроны. И ты идешь не воду набирать, а по врагу стрелять, потому что – война. Враг вон за тем забором. Подойди, мальчик, к забору, и вынимай там патроны из карманов.

Наклонив голову, Николай сделал шаг, другой, третий. Желуди все высыпались. Пока дошел до забора, не осталось в карманах ни одного.

– Подумайте, каким человеком может стать Николай, – сказал дед Матвей и пошел своей дорогой.

Дети стояли, опустив головы. Они думали.